

УДК 929.2Ленин

ОБРАЗ ВОЖДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1918-1920 гг.)

М.В. БРЯНЦЕВ*Брянский государственный университет**e-mail: bmvbox@mail.ru*

В статье на основе архивных материалов рассмотрен процесс формирования образа вождей революции В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого и отражение его в сознании населения в самом начале строительства нового общества. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на активное противодействие населения мероприятиям советской власти, последней, все же, удалось к концу Гражданской войны сформировать положительные образы вождей революции и, прежде всего, В.И. Ленина.

Ключевые слова: Ленин, Троцкий, вожди, гражданская война, население, образ, представления.

В советской историографии создана огромная масса литературы о вождях революции и гражданской войны. Среди этих имен несомненное первенство принадлежит В.И. Ленину, образ которого был канонизирован довольно рано. Другие же имена располагались в зависимости от политической значимости личности для правящего режима, а многие были сознательно забыты. Советская историография рисовала вождей революции, как неких провидцев, гуру, изначально знавших истину, в отличие от остальных заблуждавшихся. Эти образы рисовались самыми светлыми, притягательными красками и утверждались в массовом сознании. Советские вожди и, прежде всего, В.И. Ленин, олицетворяли собой образец непогрешимости и всеобщей народной любви. Только в последнее время стали появляться в российской печати работы, рассматривающие отражение образа Ленина в массовом сознании¹. Особо следует сказать о работе О.В. Великановой, которая, опираясь на материалы периодической печати, мемуары, фольклор (сказки, легенды, анекдоты, частушки) и, наконец, обзоры общественных настроений, составленные ГПУ/НКВД в 1920-е гг., исследует складывание образа В.И. Ленина в период, когда, укрепившись во власти, большевики начали целенаправленное формирование культа вождя. Момент же начального создания образов вождей и их отражения в массовом сознании остается мало изученным.

Знакомство же с материалами местных архивов показывает значительно более сложное отношение населения к вождям революции, чем рисовала советская историография. В этой связи важным является изучение представлений населения о большевистских вождях в первые годы существования советской власти, особенно в период гражданской войны, т.е. в момент, когда только начиналась канонизация большевистских руководителей. Ю.Л. Бессмертный полагал, «что едва ли не центральным аспектом способа властвования выступают социокультурные *представления о власти*»². Несомненно, что для большинства населения абстрактные представления о власти не были характерны. Люди воспринимают власть через образы конкретных людей, олицетворяющих собой эту власть. Будучи весьма сложным и многообразным, понятие «представление» позволяет рассматривать явление во всем его

¹ См.: Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. №2. С.177-185. Правда в зарубежной историографии первая работа появилась еще в 1983 г. Она принадлежит перу американской исследовательницы Н.Тумаркин и посвящена возникновению культа Ленина (T u m a r k i n N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1983. Русский перевод появился в 1997 г. см: Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997).

² Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. М., 1995. С.15.

многообразии. Как отмечает Р.Шартье, это понятие позволяет обозначить и связать три важнейшие реальности: коллективные представления, политическое могущество и «некое социальное качество или некоей власти, наделяющей таким образом непрерывным и устойчивым существованием»³.

Для решения поставленной задачи значительный интерес представляют материалы, отложившиеся в фондах органов советской власти, и, прежде всего, карательных — таких как Ревтрибуналы, милиция, ЧК и др. Именно здесь фиксировались разговоры, имевшие хождение среди населения и отражавшие истинные, а не конъюнктурные высказывания, суждения. Как раз в неофициальных разговорах, не обращенных, как правило, на широкие массы, крестьяне высказывали суждения, отражавшие их истинные мысли. Ценность такого рода высказываний заключается в том, что эти люди не являлись выдающимися мыслителями, но выступали как «реальные агенты», «акторы», т.е. действующие лица истории. Их дискурс значительно отличался от того, который был порожден представителями официальных властей и самой властью.

Приход большевиков к власти оказался неожиданным не только для их противников, но, как ни странно, и для них самих. Партия большевиков была численно незначительна и малоизвестна в широких слоях населения, как и ее вожди даже такие, как В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Большевики оказались для многих новыми лицами, возникшими неожиданно на арене политической борьбы⁴. Подавляющая часть зараженного анархией населения отнеслась к Октябрю довольно индифферентно, уже привыкнув к частым сменам столичных властей и восприняв Ленина лишь как второе издание Керенского, недолговечное и обреченное.

Несомненно, агрессивная деятельность большевиков летом-осенью 1917 г. сделала партию коммунистов-большевиков узнаваемой, особенно среди солдат и матросов, но для широкой массы населения она оставалась малознакомой. Хотя смелость, с которой большевики действовали, импонировала многим. Не случайно в одном из писем лидер меньшевиков Ю. Мартов с сожалением писал, что «массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу — большевикам, которые «проще» и больше «держат», словом, по своей демократичности больше приемлемы для широких некультурных масс»⁵. Вероятно, именно это и подкупило главного бухгалтера при Управлении Мальцевских заводов С. Кисенкова, как и многих других, отдавшего свой голос за большевиков при выборах в Учредительное собрание. Однако последующая политика большевиков, которая стала чувствоваться уже с первых конкретных мероприятий новой власти, заставила многих задуматься о правильности принятого решения. В разговоре на станции «Стайная» в декабре Кисенков с сожалением говорил, что он «тогда не знал что такое Ленин и Троцкий»⁶.

Узнавание большевистских вождей облегчалось привычным для большинства населения России образом верховного правителя, наделенного сакральными чертами и ответственного за все. В большевистской же среде предпосылки для создания культа существовали задолго до этого: это и вождистский характер партии, и символический вакуум новой власти, нуждавшейся в легитимизации режима, и наличие беспрекословных авторитетов в центре и на местах. Социально-психологической базой для распространения культа среди населения была, по утверждению О. Файджеса и Б. Колоницкого, «монархическая психология» большинства населения России, про-

³ Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. М., 1995. С.201.

⁴ В.М.Селунская указывает численность партии большевиков в августе 1917 г. в 220 тыс., а к началу 1919 г. — 350 тыс. (См.: Селунская В.М. Рабочий класс и Октябрь в деревне (Рабочий класс во главе Октябрьской социалистической революции в деревне. Октябрь 1917-1918 г.). М., 1968. С.40).

⁵ Цит. по: Тютюкин С.В. «Мягкие» марксисты: меньшевики // История политических партий России. М., 1994. С.259.

⁶ Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф.Р-594. Оп. 1. Д. 840. Л. 10. В архивных текстах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

являвшаяся после свержения монархии в культе вождя революции, первым из которых стал «солнце русской революции» А.Ф. Керенский. Символы, найденные им и его почитателями, затем были использованы при создании большевистских вождей, имена и образы которых становились символами нового режима⁷. Таким образом, население, не разбираясь в тонкостях политических программ, и, более того, относясь к ним индифферентно, воспринимало большевиков и их вождей через призму привычного. При различных затруднениях, крестьяне по привычке апеллировали к верховной власти в лице ее представителей, даже не задумываясь, насколько просьбы соответствовали проводимой большевиками политике. Так, уже весной 1919 г. жители Юровской волости Трубчевского уезда «покорнейше» просили «Вождей Советской Власти РСФСР для сохранения нашей Православной Религии отпустите священника Троицкого какового мы сознаем невиновным», а так местные власти признают виновным и не отпускают, то они просили дать им другого священника⁸. Спустя полтора года (сентябрь 1920 г.) на беспартийной конференции Стрелецкой волости Севского уезда Брянской губернии при обсуждении вопроса о доставке соли раздавались голоса о том, что «нужно послать представителей к Ленину», что местные власти расценили как недоверие⁹. Такие настроения были распространенным явлением среди определенной части населения. Так, 14 сентября 1918 г. от имени Петроградской трудовой коммуны бедняк Гродненской губернии А. Степанов просил Зиновьева: «Просим Вашего ходатайства перед т. Лениным, чтобы они были спасителем городской бедноты, то нужно отменить власть на местах и разрешить вольную торговлю хлебными товарами. Покудова этого разрешения не поступит, беднота будет пухнуть от голода. Покудова богач истощает, то бедняку смерть»¹⁰.

Аналогичным было поведение и представителей молодого поколения коммунистов, которые, понимая противоречия системы власти, обращались к верховному правителю с просьбами об искоренении недостатков. Так, летом 1921 г. курсант Рабоче-крестьянского университета Г. Гаманков писал «дорогому вождю Рабочее крестьянской власти товарищу Владимиру Ильичу Ленину» о недостатках, которые он наблюдал: «я вижу много несправедливости и саботажа и ничего никому поделаться по тому что это творят наши товарищи коммунисты дорогой Товарищ у нас в Карачеве вся старая свора у власти». Наивный молодой человек еще надеялся на получение ответа и вопрошал: «Дорой товарищ это мое письмо первое если получите то дайте ответ пожалуста кандидат РКП большевиков Гаманков Григорий»¹¹. Противопоставление местных властей и «настоящих большевиков» в лице Ленина и Троцкого отмечает у дочери «ботаника» М. Пришвин¹².

Большинство населения было готово воспринимать новую власть в рамках традиционного персонифицированного мышления. Этому способствовала арихитическая черта, присущая сознанию представителей традиционной культуры – «наивный монархизм» и традиции почитания святых и их нетленных мощей, народная вера в доброго царя-батюшку, а также интеллигентское поклонение революционерам-мученикам. По мнению Н. Тумаркин, культ Ленина играл и политическую роль, укрепляя большевистскую власть, как в период гражданской войны, так и в последующие годы¹³. В немалой степени этому содействовала советская пропаганда, которая с момента прихода большевиков к власти все чаще стала выделять В.И. Ленина в

⁷ См.: Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven: London, 1999. P. 72.

⁸ ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 113. Л. 75.

⁹ ГАБО. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 28. Л. 57.

¹⁰ Цит. по: Давыдов А.Ю. *Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917-1921 гг.* Мешочники. СПб., 2002. С. 74.

¹¹ ГАБО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 43.

¹² Пришвин М.М. *Дневники. 1918-1919*. СПб., 2008. С. 107.

¹³ См.: Тумаркин Н. *Ленин жив! Культ Ленина в Советской России*. С. 15.

качестве объекта специального внимания¹⁴. Новая власть активно стала формировать образ Ленина, как самоотверженного вождя, ставшего жертвой врагов человечества¹⁵. Первые шаги на этом пути были сделаны в распоряжениях центральной власти, отданных сразу же после покушения на Ленина. В воззвании ВЦИК от 30 августа В.И. Ленин рисовался как «истинный вождь рабочего класса», значение которого «для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран»¹⁶. Однако здесь речь шла не только о Ленине, но и обо всех вождях пролетариата, охрана которых вверялась в руки рабочего класса. «Победа над буржуазией – лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса», – заключало воззвание, подписанное Я.Свердловым¹⁷. Эти мотивы были тиражированы и в телеграммах, отправленных в регионы. Так, в телеграмме, разосланной в Совдепы Орловской Тульской и Калужской губерний за подписью В.Подбельского в самом начале сентября, В.И. Ленин именовался «незаменимым вождем пролетариата»¹⁸. В связи с покушением на Ленина отмечались и «товарищи» Володарский и Урицкий, пострадавшие от рук контрреволюционеров.

Все чаще партийные газеты публиковали статьи, посвященные В.И. Ленину, а Г.Зиновьев даже написал его биографию. На местах стали распространяться портретные изображения революционных вождей, что позволяло визуализировать их образ. Так, 30 октября 1918 г. Отдел управления Брянского Уисполкома просил Укомпарт: «отпустить для Отдела портретов революционных деятелей и два портрета т.т. Ленина и Троцкого в увеличенном размере для помещения в Отделе». Вероятно, в силу большого дефицита было выдано только по портрету Ленина и Маркса¹⁹. В начале августа 1919 г. на партийном совещании Мальцевского фабрично-заводского района было поручено члену партии Кудрявцеву, наряду с различного рода агитационными плакатами, газетами, лозунгами и сообщениями «Роста» «ежедневно вывешивать также портреты лидеров. Плакаты должны быть вывешены у Главного Правления, проходных ворот, провиантского магазина, на Лавровской платформе, около станции ж.д.»²⁰.

С этой же целью стали создаваться первые документальные фильмы, демонстрировавшиеся на официальных собраниях. Так, в самом начале февраля 1919 г. во время проведения 2-го Брянского уездного съезда Советов был показан фильм «Русская революция». Как говорилось, в официальном отчете, «при появлении на экране вождей русской пролетарской революции, а в частности Влад. Ильича Ленина» было «встречено бурными аплодисментами и вставанием»²¹. Замечу, что здесь уже очевидна особая роль и значимость среди вождей революции Ленина.

Местные газеты стали публиковать материалы, посвященные Ленину, которые через определенный набор эпитетов и метафор конструировали образ «учителя рабочих», который «Знал народ, любил народ, жил для народа», «думал только о народе», указывали на его гениальность, «человек-гигант, самая яркая и большая личность на мировом горизонте последних лет», это «Светильник человечества». Противники же, в частности эсеры, «которые всюду распинаются о ценности личности», – это пигмеи, а он – «великий вождь и учитель», «имя его будет вызывать глубокое благоговение в сердцах и умах людей будущего, которое сможет с отдаления схватить и понять весь смысл и значение великой эпохи XX века»²².

¹⁴ См.: Энкер Б. Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5. С. 196.

¹⁵ См.: Сервис Р. Ленин. Мн., 2002. С. 445.

¹⁶ Голос великой революции. М., 1967. С. 146.

¹⁷ Голос великой революции. С. 147.

¹⁸ ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 29. Т. 2. Л. 600 -600 об.

¹⁹ ГАБО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.

²⁰ ГАБО. Ф. П.-3. Оп. 1. Д. 27. Л. 66 об.

²¹ ГАБО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 128. Л. 12 об.-13.

²² Известия Бежицкого революционного Совета. 1918. 12 сентября (30 августа). № 19 (139)

В местной прессе часто использовали прием противопоставления Ленина другим лидерам революции. В частности в Бежицких «Известиях» была помещена статья под названием: «Ленин и Керенский на фоне русской революции». Автор под псевдонимом «Чужой» писал: «В противоположность своему предшественнику Ленин удивительно легко и непринужденно чувствует себя у государственного руля, как будто он очутился за самым привычным ему делом, и несмотря на страшные скачки, которые испытывает государственный корабль, он правит сильной, уверенной рукой и можно надеяться, что, благодаря такому бесстрашному мудрому кормчему – российский корабль в сохранности дойдет к желанной обетованной гавани». Автор пытается нарисовать образ уверенного в своих действиях вождя, как своего, близкого к народу человека. Он заявляет, что «Мужик говорит: «Наш батюшка, Ленин...

Мужик инстинктивно чувствует, что Ленин ему «свой», человек близкий по духу и плоти. Ленин понимает мужика, мужик понимает Ленина. Между обоими протянуты тонкие крепкие кровные нити»²³. Таким образом в сознании населения формировался образ Ленина, как человека, если не из народа, то довольно близкого в нему, понятного простому крестьянину.

Покушение на В.И. Ленина было использовано и для того, чтобы инициировать создание положительного образа вождя «снизу». Уже в сентябре 1918 г. по всей стране были организованы обращения от имени крестьян, рабочих, солдат. Так, 8 сентября коммунисты Алешенской ячейки направили в СНК телеграмму в адрес «всемирного борца за освобождение трудящихся от гнета товарища Ленина». В ней они передавали «привет и сердечное пожелание на скорое его выздоровление», выражая Ленину «полное чувство энергии», заявляли, что «мы все, как один, готовы встать против тех, кто осмелится отнимать жизнь у истинных защитников угнетенных и что мы бодры духом и да здравствует народный вождь Ленин»²⁴. В этот же день на объединенном заседании Лутенского волостного комитета бедноты и волостного исполкома после доклада была принята резолюция, в которой, глубоко сожалея и душевно скорбя о том, «что буржуазия и ее агенты убивают из за угла вождей социалистической Революции», желали скорого выздоровления и просили, и надеялись, «что подготовленные им ученики не сдадут оружия и прольют реки вражеской буржуазной крови, за пролившуюся от предательских выстрелов, кровь дорогого вождя и на единичный террор буржуазии ответит массовым красным террором»²⁵.

О «беспощадной расправе с буржуазией и ее агентами правыми эсерами» говорила и резолюция, принятая 2 сентября 1918 г. Брянским уисполкомом, где отмечалось, что «выстрел в тов. Ленина не расстроил, а наоборот спаял ряды пролетариата, той стальной революционной спайкой, которая совершенно раздавит, корчащегося в предсмертной агонии врага»²⁶. На следующий день в обращении красноармейцев 1-й Трубчевской роты на покушение «вождя мировой социалистической революции товарища Ленина» отмечалась гнусность этого деяния, и выражалось соболезнование. Вместе с тем, бойцы заявляли: «выносим смертельный приговор врагам трудового народа, посягающим на жизнь наших вождей» и объявляли «красный террор врагам революции», «пусть помнят враги трудового народа, за жизнь наших вождей, за жизнь наших великих вождей тов.Ленина и Урицкого пожертвуем всем. С сегодняшнего трагического дня покушения на наших вождей, сметаем с лица земли всех вредных элементов, и недопустим повторения подобных гнусных покушений. Да здравствует социалистическая Революция. Да здравствует ее вождь тов.Ленин, вечная память дорогому и незабвенному тов.Урицкому»²⁷.

²³ Известия Бежицкого революционного Совета. 1918. 15 сентября (2 сентября). № 22 (142).

²⁴ ГАБО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 20. Л. 54-55.

²⁵ ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 102. Л. 97.

²⁶ ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 75. Л. 58.

²⁷ ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 35. Т. 1. Л. 220-220 об.

Массовый террор против буржуазии поддержали и бежицкие коммунисты, направившие в адрес Ленина телеграмму, в которой говорилось: «Мы полны священного гнева к убийцам и предательской буржуазии, дерзнувшим поднять преступную руку, на гения социальной революции. Массовый террор – врагам»²⁸.

В эту пропагандистскую кампанию были включены самые широкие массы населения и их представительные органы. Так, 29 сентября 1918 г. съезд Советов Лутенской волости, заслушав доклад о текущем моменте, постановили о поддержке советской власти. «Вождям же мировой революции и беднейшего населения Российской Федеративной Советской Республики товарища ЛЕНИНА, Троцкого, Луначарского и Зиновьева, Лутенский Волостной Съезд Советов шлет свою искреннюю благодарность за их непосильные труды на пользу беднейшего населения. Пусть наши вожди и учителя знают, что Лутенская волость по первому призыву НАШЕГО РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, пойдет вся как один человек на защиту своих прав, на защиту интересов мирового Пролетариата, на защиту КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ТРУДА, указывающего путь к Социализму, мировому пролетариату. Мы все как один человек пойдем на защиту Советской Власти, власти рабочего и крестьянина ибо рабочий и крестьянин сама себе не может ибо призывает на защиту своей власти сам себя. А потому мы громко заявляем **ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ – ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛКИЙ ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ ТОВАРИЩ ЛЕНИН**». Резолюция была принята подавляющим большинством при 4 воздержавшихся²⁹.

Таким образом, вполне очевидно, что всякого рода обращения к вождю «мирового пролетариата» была организованной компанией для прославления не только образа вождя, но и самой идеи советской власти. Эту мысль подтверждает и то, что в эту кампанию включались агитационные отделы местных комитетов партии (компартов). Так, в 1918 г. агитационный отдел коммунистической партии г.Брянска, обратился с воззванием к рабочим Радицкого завода и поселка, где после риторики о кровавой бойне и хищниках-капиталистах, звучал призыв: «наш вождь т.Ленин вместе с германским вождем Карл Либкнехтом и т.Маклиным выведут рабочий класс на широкую дорогу социализма вместе с тов. Лениным и наша рабочая Коммунистическая партия исправит все свои ошибки и промахи и будем надеяться, что только Коммунистические партии выведут пролетариат на дорогу социализма на прямую, мировую, хозяйственную дорогу без войны и эксплуатации. Товарищи рабочие, обращаемся к Вам, чтобы вы всеми мерами поддерживали Советскую власть и нашу Коммунистическую партию, борющуюся за социализм, правду и торжеству рабочих идеалов...»³⁰. Вместе с тем привычным на общих мероприятиях становится знакомство участников с биографией «вождя Октябрьской революции завоеваний т-ща Ленина»³¹.

В формировании образа вождей были использованы кампании по перевыборам местных советов. Так, в ходе перевыборов волостных советов весной 1919 г. принимаемые резолюции заканчивались стандартными здравицами в отношении вождей революции: «Да здравствует мировая революция. Да здравствует наши вожди Советской власти». Это отмечено в резолюциях жителей д. Чухраи, д. Теребушки, д. Мальцевой, с. Милижа, с. Денисова Краснослободской волости Трубчевского уезда Орловской губернии³².

Такими способами официальные власти желали закрепить в сознании масс положительный образ вождей революции не только российской, но и мировой. Примечательно, что образ вождей «вписывался» в более известный для населения сонм русских писателей. Так, в Трубчевске в честь первой годовщины Октябрьской революции были переименованы школы не только в честь Ленина и Луначарского, но и

²⁸ Известия Бежицкого революционного Совета. 10 сентября (28-го августа). 1918. № 17 (137).

²⁹ ГАБО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 39. Л. 13 об.

³⁰ ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 48. Л. 255.

³¹ ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 130. Ч. 1. Л. 2 об.

³² ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 93. Л. 18-22.

знакомых всем писателей — Тургенева, Пушкина и Л.Н. Толстого³³. Кроме того, закрепление этих образов сопровождалось неприятием любых действий, направленных против советской власти и началом конструирования образов «свой» и «чужой». Представление о врагах и товарищах формировалось по признаку враждебности или лояльности (истинной или мнимой, это было не важно) к существующему строю. Эту нетерпимость к своим противникам советская власть будет культивировать и в последующее время. Так, в апреле 1919 г. съездом Советов Бытошевской волости Брянского уезда была принята резолюция по докладу «О текущем моменте». Заслушав доклад о происшедших мартовских восстаниях солдат в Брянске и Гомеле, Бытошевский волостной съезд сельских советов Брянского уезда в принятой резолюции заявил: мы «видим, что враги трудового народа стремятся к порабощению нас говорим открыто всем белогвардейским бандам что не отдадим той свободы, которую завоевали с большим трудом. Да здравствует Советская власть и наши вожди Ленин Троцкий смерть врагам народа!!!»³⁴ Учитывая условия и зная механизмы принятия таких решений, становится понятным, что данные резолюции, как и масса других, не являлись отражением представлений основной массы крестьянства, они, как правило, навязывались большинству представителями власти. Однако власть осознанно формировала образ врага, покушавшегося на завоевания народа, достигнутые под руководством большевистских вождей. Особенно важным этот прием был в условиях социальной апатии населения, уставшего от анархии и относившегося ко всякой власти недоверчиво.

Всевозможные реквизиции, мобилизации, несправедливости при разделе земли, при распределении повинностей делали крестьян нетерпимыми в отношении власти большевиков и их вождей. Покушение на Ленина, положившее начало кампании по его возвеличиванию, у определенной части населения вызвало нескрываемое одобрение и, в целом, можно сказать, что реакция на покушение на Ленина была неоднозначной. В обществе существовала питательная почва для нескрываемого злорадства в связи с покушением на Ленина — это недовольство мероприятиями советской власти. Ранение Ленина породило у многих надежду, что со смертью вождя революции закончится и советская власть. Еще в начале августа 1918 г. в Лутенской волости Брянского уезда, местные коммунисты сообщали в Укомпарт, что «настроенные массы разлагающе, так как неизвестно кем пущены слухи что тов. Ленин убит, а тов. Троцкий переезжает в г. Орел, и что Советской власти пришел конец»³⁵. Этот слух имел хождение и в сентябре³⁶. Некоторые крестьянские общества поспешили воспользоваться слухами о смерти вождя для того, чтобы расправиться с наиболее одиозными институтами власти большевиков. Так, поступили крестьяне д. Барковичи, разогнав ненавистный комитет бедноты³⁷. Вообще в это время основным учреждением, вызывавшим всеобщее неприятие крестьян становятся именно комбеды, которые в ответ на это часто обвиняли односельчан в контрреволюционных действиях. Так, осенью 1918 г. Овстуговский комбед Брянского уезда обвинил А.К. Сычева в том, что он «ведет агитацию среди масс, что вот большевиков расстреливают т. Ленина уже расстреляли и всех большевиков расстреливают Советская власть рухнет скоро наступит власть наша кулацкая»³⁸. Очевидно, что покушение на Ленина дало выход той ненависти, которая накопилась у части населения в отношении советской власти и к отдельным ее институтам.

Вместе с тем, ненависть к вождям революции преломлялась в различного рода фобиях, имевших глубокие корни. Население, пропитанное стереотипами, традиционными нормами, ценностями, многое из этого багажа переносило и на образы но-

³³ ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 29. Т. 1. Л. 150-150 об.

³⁴ ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 71. Л. 599 об.-600.

³⁵ ГАБО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

³⁶ ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 59. Л. 33.

³⁷ ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 59. Л. 33 об.

³⁸ ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1332. Л. 8.

вых правителей. И одной из составляющих этих представлений, присущих населению, был антисемитизм. Именно там, в обывательской среде часто обсуждали семитское происхождение большевистского руководства. В суждениях крестьян евреями у власти были не только Троцкий и Свердлов, но и Ленин. Достоверность еврейского происхождения последнего среди народа подтверждалась ссылкой на знания, почерпнутые из периодической печати, и географической близостью к месту проживания еврейского населения, где распространялись слухи. Так, в сентябре 1918 г. крестьян с. Снопоть Брянского уезда Г. Терехов сообщил своим односельчанам, что «Ленин происходит из евреев», о чем он узнал из газеты «Русское слово». Уже одно это, в глазах Терехова и ему подобных, делало власть, во главе которой стоит «могилевский жид» с «кучкой приспешников» не заслуживающей доверия³⁹.

Хуторянин Терехов был не только грамотным, но и думающим крестьянином, который задумывался о сущности большевистской политики в деревне. В его размышлениях отражалось недовольство части крестьянства беспределом, творимым комбедами, продовольственной политикой и мобилизациями. Несмотря на то, что молодой крестьянин ссылался при допросе на политическую безграмотность («в политике не посвящен»)⁴⁰, он хорошо уловил, вектор большевистской политики в деревне, которая привела к тому, что, как писал В.И. Ленин, «Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возникли два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими твердо продолжало идти к осуществлению социализма... и лагерь более зажиточных крестьян»⁴¹. Там, где Ленин видел твердую поступь социалистической революции, крестьянин Терехов, в отличие от вождя большевиков, осознавал пагубность такого раздела и понимал печальный результат этой политики.

Не соотнося себе ни с одной из партий, Г. Терехов, как и многие его современники-крестьяне, не одобрял мероприятия большевиков по реквизиции сельскохозяйственной продукции. Такая модель взаимодействия крестьянин-власть не укладывалась в привычную для него систему отношений, что порождало негативную вербальную оценку конкретных носителей новой власти. В оценке ее представителей крестьяне применяли эмоционально выраженную, иронически негативную лексику. Так, по свидетельству члена Сельского совета д. Верхняя Г.П. Рябцева, Терехов обозвал его и председателя сельского совета П.М. Борисова, пришедших описывать зерно, «хулиганами» и «начальниками в лаптях»⁴². Такая оценка местных руководителей в устах Терехова неслучайна: в сознании крестьянина, знавшего односельчан и привыкшего оценивать каждого по делам, «лапотники» — это оценка несостоятельных людей, не способных прокормить свою семью, а значит, и не имеющих никакого права руководить другими.

Неудовлетворительные результаты руководства заставляли крестьян думать, что вновь пришедшие к власти — это люди, делающие все во вред русскому населению, а потому крестьяне особенно активно подчеркивали семитское происхождение многих большевистских вождей, ассоциируя власть советов с властью вождей-евреев. Так, в одной из прокламаций, имевших хождение в Брянском уезде весной 1919 г., сохранился призыв к свержению «жидовского ига». Причем пагубность этого режима виделась «защитникам народа», как они подписались, в том, что «Кого не садите в низшие советы будут одинаковы ибо у нас выше сидит Троцкий-жид, который хитрее всякого черта». Таким образом, абстрактное недовольство властью «жидов» конкретизировалось в личности реальных лиц и, чаще всего, Л.Д. Троцкого. Листовка заканчи-

³⁹ ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1034. Л. 10-10 об.

⁴⁰ ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1034. Л. 9.

⁴¹ Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 354.

⁴² См.: Брянцев М.В. Власть и антисемитские настроения в крестьянской среде в период гражданской войны (1918-1920 гг.) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2007. С. 75.

валась призывом, явно противопоставлявшим два типа правления — современное еврейское (т.е. власть большевиков), принесшее беды русскому народу, и национальное, ведущее к материальному благополучию. «Долой жидовское правление, из мочалы хлеб и конину, да здравствует русское правление, белый хлеб и свинина», — призывала листовка⁴³.

Временный характер и самозванство большевиков и их вождей являлись постоянным мотивом в рассуждениях крестьян о советской власти, которая воспринималась, преломляясь через призму критики не только советской власти вообще, но, чаще всего, конкретных ее мероприятий и действий реальных ее представителей. О самозванстве большевиков и их вождей говорил в декабре 1918 г. на станции «Стайная» главный бухгалтер при Управлении Мальцевских заводов С.Кисенков, который, вступив в разговор с калужскими крестьянами, заявил, что «теперь нет никакого права. Народных представителей нигде нет. Ленин и Троцкий сами нахальным образом уселись у власти. Никто их не выбирал. В Брянске и Дятькове сидят кучки самозванцев, которые из личных счетов расстреливают людей, как расстреляли Панорова, которому после расстрела пришла повестка явиться в суд»⁴⁴. Эту тему продолжает автор анонимного письма, пришедшего в конце декабря 1918 г. в контору редакции «Известия Брянского уездного исполкома». Автор, хорошо знавший нравы местной дятьковской власти, писал: «Посмотрите, кто же сидит в Советах военным комиссаром, он соплей не может очистить и двух слов связать не может. Посмотрит на эту картину да только вздохнет все ограблено разорено и только благодаря этому самозванскому правительству. Но конец близок. Смерть большевикам грабителям довольно крови». В.И. Ленина он описывает, как немецкого агента и хулигана, как второго Пугачева, которому «висеть на веревке всюду говорят по самым захолустным деревням, да когда же исчезнет эта власть, да когда же будут порядки голодом поморили народ и мужики спрашивают, правда ли говорят Ленин продал нашу Россию германцу врагу»⁴⁵. В этом заявлении очевидны следы тех слухов и публикаций, которые имели широкое распространение после июльских событий 1917 г., в которых большевики и, в частности Ленин, рисовались немецкими шпионами, продавшими Родину. Этот образ был воспринят крестьянами. Уже летом 1921 г. на заседании Кромского Уездного съезда крестьянских депутатов Орловской губернии во время прений по докладу о текущем моменте представитель от Черкасской волости Козлов допускал выкрики против «вождя русского пролетариата» Ленина, «который был назван германским шпионом»⁴⁶. о

Вообще среди населения распространенной являлась версия о том, «что Советская власть она вся сидит с двумя документами, если на какой случай, сидишь да и нету»⁴⁷. Мнение о двойных документах переносилось и на местные Советы. Причем подразумевалось, что другие документы немецкие. Здесь прослеживается не только версия о немецком следе в истории большевизма, но и более приземленная близкая крестьянам — Советская власть реквизирует продукты для отправки в Германию. Так в одной из статей «Партия зверей», направленных редактору местной газеты, говорилось: «Все известно, что большевики во главе с ЛЕНИНЫМ И ТРОЦКИМ отправляют в Германию хлеб, сахар и др. продукты, а также и топливо из России, а мы здесь голодной смертью умираем от недоедания»⁴⁸. Крестьяне делали вывод, что «Комиссары в недалеком будущем заберут наши деньги и уедут с ними ведь на это они получили уже паспорта»⁴⁹.

⁴³ ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1124. Л. 9 об.-10 об.

⁴⁴ Там же. Д. 840. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Д. 1114. Л. 4.

⁴⁶ ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 30. Л. 95.

⁴⁷ ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1028. Л. 11.

⁴⁸ ГАБО. Ф. Р-558. Оп. 2. Д. 34. Л. 32.

⁴⁹ ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1028. Л. 11.

Таким образом, крестьянам власть большевиков виделась как нелегитимная и временная, а значит и большевистские вожди, тем более евреи, – люди случайные, самозванцы, стремящиеся воспользоваться моментом. Это побуждало крестьян к разговорам о самозванстве Ленина и Троцкого. О самозванстве большевиков говорили и лозунги, выдвигаемые во время крестьянских выступлений против советской власти. Так, в ходе Литовинского восстания в Севском уезде весной 1919 г. раздавалось: «Долой захватчиков коммунистов Ленина и Троцкого», «Долой жандармов и самозванцев», «Долой самозванцев захватчиков»⁵⁰. Вообще в крестьянском лексиконе при оценке большевиков и, в частности, их вождей и даже руководителей на местах четко прослеживается их оценка, как захватчиков, временщиков.

Еще одним мотивом крестьянского недовольства было осознание того, что большевистские вожди обманули крестьян, воспользовавшись всеобщей усталостью от войны. Крестьянский ум не находил ответа на вопрос: почему большевики вчера еще, ратовавшие за прекращение войны, сегодня призывают защищать какое-то революционное отечество во главе с «коммунистами-жидами». Так, осенью 1919 г. в с. Марицкий Хутор Севского уезда на общем сходе один из крестьян, С. Драгунов, выступил против мобилизации, заявив, что в свободной стране должны быть только добровольцы, «Вы мобилизуете для защиты Троцкого». Последствием такой агитации, как затем заявили местные коммунисты, стало всеобщее недовольство советской властью всего общества: «поднялся полный самбур и ненависть на власть, где партия коммунистов»⁵¹. Представление о том, что Красная армия защищает евреев проявилось и в антисемитских воззваниях, появившихся летом 1919 г. в г. Трубчевске, где население призывалось саботировать призыв в Красную армию: «пусть Лейба Троцкий посылает своих лейбочек берочек, еселей», — заключали авторы прокламации»⁵².

Недовольство советскими властями у крестьян возникало, как правило, в отношении конкретных мероприятий власти и было направлено против ее конкретных представителей и, соответственно, экстраполировалось на вождей революции, прежде всего, на В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Для большинства населения вожди большевиков виделись как самозванцы, незаконно захватившие власть, и установившие режим, благоприятствовавший грабежу народа. Однако массированная агитация и пропаганда, в том числе и новых вождей, приносили свои плоды: крестьяне начинали (или хотели) видеть в вождях революции привычных защитников от чиновничьего произвола, как ранее таким защитником им мыслился царь. Складывался образ «добротного царя» и «злых чиновников». Привыкшие видеть в царе заступника «сырых и убогих», крестьяне по разным поводам стремились апеллировать к верховной власти, не доверяя местным чиновникам.

Таким образом, формирование положительного образа вождей революции облегчалось традиционными чертами ментальности крестьян, отводившей важное место образу царя, как извечному защитнику обездоленных. Усилия власти по формированию положительного образа вождей возымели определенный результат. Как сообщал на 7 съезде советов Мглинского уезда в мае 1919 г. представитель Костенической волости Ф. Шваров: «несмотря на то, что беднота по своей темноте не знала твердо за кем идти, но всетаки усилия вождей не прошли даром. Догадливость и умелость истинных вождей сделала то, что бедняки отличают своих вождей от предателей и за последними ни один бедняк не пойдет»⁵³. Даже учитывая некоторую ангажированность оратора, все же следует признать, что массированное давление на население, политика подавления оппонентов и монополизация власти оказывались результативными. Власть удалось сформировать положительно-привлекательный образ вождей, сотворив новых кумиров.

⁵⁰ См.: Брянец М.В. Литовинское восстание // Право: история, теория, практика. Сб. ст. и материалов. Вып. 10. Брянск, 2006. С.365-366.

⁵¹ ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1018. Л. 21 об.

⁵² ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 137. Т. 3. Л. 776.

⁵³ ГАБО. Ф. Р-1018. Оп. 1. Д.29. Л. 2 об.

IMAGE OF LEADERS OF THE REVOLUTION IN REPRESENTATIONS OF THE POPULATION DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA (1918-1920 years)

M.V. BRYANTSEV

Bryansk State University

e-mail: bmvbox@mail.ru

In the article based on archival material through the process of forming the image of leaders of the revolution of Lenin and Trotsky and his reflection in the minds of the population at the beginning of building a new society. The author concludes that, despite the active opposition of the population activities of Soviet power, the latter still managed to end the Civil War to form a positive image of the leaders of the revolution and, above all, Lenin.

Key words: Lenin, Trotsky, the leaders, the civil war, the population, an image, representation.